
НАСЛЕДИЕ

Светлова Е.А.

В.К. МАКАРОВ И ИДЕЯ СОЗДАНИЯ МУЗЕЯ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ В ПЕТЕРГОФЕ

Светлова, Екатерина Андреевна—бакалавр музеологии, магистр истории, научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия, katyasvetlova@mail.ru.

В статье рассматривается идея создания в восстановленном после Великой Отечественной войны и оккупации Большом дворце в Петергофе музея Петровской эпохи. Одним из наиболее последовательных сторонников и вдохновителей этой идеи являлся историк искусства Владимир Кузьмич Макаров (1885–1970), музейный специалист Петрограда-Ленинграда с большим опытом. Опираясь на остающийся неопубликованным дневник В.К. Макарова, отложившийся в его личном фонде в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, а также на уже введенный в научный оборот стенографический отчет проходившей в марте 1944 года научно-практической конференции по вопросу реставрации пригородных дворцов, можно получить наиболее полное представление о развитии и публичном представлении этого замысла. Предложенный В.К. Макаровым проект организации музея Петровской эпохи, актуализировав вопрос о перераспределении музейных коллекций, не встретил единодушной поддержки музейного сообщества.

Ключевые слова: В.К. Макаров, Большой дворец в Петергофе, музей Петровской эпохи, Великая Отечественная война, восстановление пригородов Ленинграда.

V.K. MAKAROV AND THE IDEA OF CREATING A MUSEUM OF THE PETER THE GREAT ERA IN PETERHOF

Svetlova, Ekaterina Andreevna—Bachelor of Museology, Master of History, Researcher at the Russian Ethnographic Museum, St. Petersburg, Russia, katyasvetlova@mail.ru.

The article discusses the idea of creating a museum of the Peter the Great era in the restored after the Great Patriotic War and the occupation of the Grand Palace in Peterhof. The inspiration for this idea was Vladimir Kuzmich Makarov, who was a museum specialist with extensive experience. Based on the stored in the Manuscripts Department in the Russian National Library diary of V.K. Makarov, which he kept during the war, as well as on the shorthand report of a scientific and practical conference on the restoration of suburban palaces, one can get the most complete picture of this idea. Suggested by V.K. Makarov's project for organizing a museum of the Peter the Great era, having raised the issue of redistribution of museum collections, did not meet with unanimous support from the museum community.

Key words: V. K. Makarov, The Peterhof Palace, the Museum of the Peter the Great era, the Great Patriotic War, restoration of Leningrad suburbs.

Стремление сохранить наследие первого российского императора Петра I характерно уже для XVIII века¹. Образ монарха вдохновлял его преемников на престоле², и связанные с фигурой царя-преобразователя различные архитектурные сооружения, предметы быта и гардероба (личные вещи), рукописи подлежали попечению и охране. Однако революционные события 1917 г., крах династии Романовых и установление республиканского строя не могли не отразиться на состоянии памятников Петровской эпохи, сбережение которых требовало не только внятного идеологического обоснования, но и немалых финансовых ресурсов и активного участия профессиональных специалистов — архитекторов, историков искусства, музейных деятелей³. Проблема «правильного» музейного показа архитектурного наследия царизма в послереволюционное десятилетие стала предметом специальной научной рефлексии⁴. Изменения в идейно-политической атмосфере 1930-х гг., характеризующиеся более терпимым, чем в первые годы после революции, отношением к фигурам ряда российских самодержцев, сделали возможным появление художественных произведений (романов, фильмов и т.п.) и музейных временных экспозиций, раскрывавших роль монархов в становлении государственности⁵. Идея организации специального крупного музея, посвященного Петру Великому и его эпохе, получает развитие в дальнейшем в годы Великой Отечественной войны. Инициатива его открытия принадлежала одному из видных музейных работников раннесоветской России, историку искусства Владимиру Кузьмичу Макарову (1885–1970), многолетняя служебная деятельность которого не была до сих пор предметом специального рассмотрения в монографических изданиях. В настоящей статье впервые в отечественной историографии предпринимается попытка с опорой на неопубликованные документы личного фонда В.К. Макарова, в том числе его дневниковые записи, реконструировать процесс зарождения и развития замысла организации музея Петровской эпохи в Большом дворце в Петергофе.

Владимир Кузьмич Макаров родился в 1885 г. и получил искусствоведческое образование на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, который окончил в 1911 г. После революции, в 1917–1918 гг. В.К. Макаров являлся членом комиссии по приемке и охране дворцов Петергофа. В дальнейшем, с 1918 по 1928 гг. в течение 10 лет находился в должности директора Гатчинского дворца-музея⁶, а впоследствии стал старшим научным сотрудником Эрмитажа по сектору западноевропейского искусства⁷. В годы Великой Отечественной войны, а именно в 1944 г., ученый состоял в должности заместителя председателя Государственной Закупочной Комиссии по г. Ленинграду⁸. Круг научных изысканий В.К. Макарова, сложившийся к этому времени, был весьма широк, однако Петровская эпоха входила в число приоритетных направлений. Можно предположить, что интерес к личности Петра I и его эпохе начал складываться

¹ Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., 2012. С. 119–123.

² Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 395–396.

³ Андреев А.И. Остров Екатерингоф // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. II. М.; СПб., 1995. С. 171–191.

⁴ Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л., 1929. С. 131–196.

⁵ Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. М., 2009. С. 96–115.

⁶ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 53. Макаров В.К. Жизнеописание. Л. 1–3.

⁷ Там же. Д. 6. Макаров В.К.: Трудовой список. Л. 5.

⁸ Там же. Д. 15. Макаров В.К.: Трудовая книжка. Л. 4–5.

у В.К. Макарова после революции, когда в 1917—1918 гг. он служил в Петергофе, где принимал активное участие в преобразовании бывшей императорской резиденции в музей. В это же время выходит очерк В.К. Макарова «Петергоф. Фонтаны»⁹. На страницах этой пусть и небольшой по объему книжечки можно обнаружить явно положительное отношение автора к основателю одной из главных царских резиденций и его деятельности: «Фонтаны начали бить здесь в конце царствования Петра Великого в 1721 г. Петр сам с лопатой в руках принимал участие в устройстве водопровода и обсуждал с художниками проекты отдельных фонтанов»¹⁰. В.К. Макаров как будто бы симпатизировал Петру, подчеркивая его роль в протекавших преобразованиях. В издании 1921 г. о Гатчинском парке В.К. Макаров напишет: «Немногие знают, что представляла окрестность Петербурга до XIX в., и как изменилась она в своем пейзаже за XVIII в. со времени Петра Великого, неукротимая энергия которого изменила самую природу»¹¹. Исходя из этих кратких характеристик, которые В. К. Макаров дает Петру I между делом, можно предположить, что интерес ученого к Петровской эпохе был связан, в первую очередь, с его уважительным отношением к самой личности императора.

Январь 1944 г. стал началом амбициозного замысла В.К. Макарова в контексте его интереса к петровской эпохе в связи с освобождением пригородов Ленинграда от вражеских захватчиков. Исходя из кратких записей в дневнике¹², который В.К. Макаров вел во время блокады Ленинграда, оставаясь в осажденном городе, можно обнаружить, что он пристально следил за этапами освобождения Ленинградской области, и особенно тех районов, где находились дворцово-парковые ансамбли: «Ночь с 19 на 20 января. [1944 г.—Е.С.] Весь день «Киров» вел огонь по отступающим немцам. Стекла вылетали от его выстрелов в Академии Художеств, Менишиковском дворце и др. береговых зданиях. Взятые: Петергоф, Ропша, Красное, Дудергоф. На очереди—Пушкин и Гатчина! <...> 22 янв. 1944. События разворачиваются быстро. Взята Мга. Наши подходят к Гатчине. <...> 24 янв. <...> Взятые Царское Село и Павловск. Гатчина окружается. Взятые Войсковое и пр. Дорога на Нарву от Гатчины перерезана. <...> 25 янв. Бои на окраинах Гатчины. <...> 26 янв. Гатчина освобождена от немцев. Бои за нее шли в самом городе. Город взят в ночь на сегодня (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»¹³. Не менее примечательны и те записи в дневнике В.К. Макарова, которые наглядно отражают его мысли при получении известия о сожжении пригородных дворцов: «27 янв. Гатчинский дворец погиб. Павловский сгорел. Что тут можно сказать! Это больше слов. Вечером—взятые Волосово, Елизаветино, Суйда <...> Немцы отброшены на 100–65 км. от Ленинграда. Блокада снята! (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»¹⁴.

Сразу же после освобождения пригородов Ленинграда перед музейными сотрудниками, реставраторами, архитекторами, специалистами по охране памятников встал вопрос о дальнейшей судьбе дворцово-парковых ансамблей. Над этим вопросом размышляет и В.К. Макаров, причем довольно подробные записи о его идеях относительно

⁹ Макаров В.К. Петергоф. Фонтаны. Пг., 1918.

¹⁰ Там же. С. 1–2.

¹¹ Макаров В.К. Гатчинский парк. Пг., 1921. С. 2.

¹² Цитаты из остающегося неопубликованным дневника В.К. Макарова приводятся курсивом для более удобной дифференциации текста статьи и текста этого важнейшего первоисточника по истории Ленинграда 1940-х гг.

¹³ ОР РНБ. Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 55. Макаров В.К. Дневник (копия З.П. Анненковой). Л. 69–70.

¹⁴ Там же Л. 71.

восстановления Петергофа, Павловска, Пушкина и Гатчины появляются в дневнике уже 3 февраля 1944 г., то есть через неделю после освобождения последнего из пригородов—Гатчины. Судя по этой записи в дневнике, ясно, что к рассмотрению вопроса относительно дальнейшей судьбы пригородов В.К. Макарова привлек Николай Николаевич Белехов—начальник Государственной инспекции по охране памятников Ленинграда. Кроме того, именно в этой записи также содержится первоначальный «схематический» план В.К. Макарова относительно будущности Петергофа: *«3 февр. <...> Обдумываю статью (краткую) о реставрации «целиком разрушенных зданий» для Белехова—ясно почувствовал, что могу сделать для многих интересный доклад о характере восстановления наших сгоревших дворцов—Гатчины, Петергофа, Павловска и Пушкина. Внешний архитектурный облик возрождается вместе с окружающим парковым пейзажем. <...> Главный вопрос о внутреннем убранстве. Петергоф восстанавливается как ряд интерьеров петровского барокко и растреллиевского рококо. (Дворцовый быт 1-й пол. XVIII в.) <...> Населить залы фигурами (в рост), большими историч. композициями (Коцебу!) там, где невозможно восстановить старые интерьеры скрупулёзно! В других случаях вспомнить комнату Сердюкова (Н.Н. Лансере) на «Купеческой выставке»—(для нижнего этажа Петергофского Б. Дворца) и залы выставки «Ломоносов и Елизаветинское время»—в Академии Наук. Замечательное объединение портретов этого времени из залов Русского музея, Эрмитажа и других мест. (В нижнем этаже—гравюры, книги, костюм, бытовые вещи, садово-парковое искусство. (Петергоф) (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»¹⁵. Запись эта свидетельствует, что на раннем этапе своего замысла В.К. Макаров планировал развернуть в Большом дворце экспозицию, посвященную еще и елизаветинскому времени. Почему? Можно предположить, что он исходил из двух соображений. Во-первых, именно во время правления императрицы Елизаветы Петровны Большой дворец был существенно перестроен и расширен архитектором Франческо Растрелли, а значит, этот этап истории дворца тоже может быть интересен музейной аудитории. Во-вторых, демонстрация елизаветинской эпохи казалось наиболее логичной именно в Петергофе, так как, к примеру, Екатерининский дворец в Пушкине сохранял существенные элементы и более поздних периодов.*

Видимо, в тот момент В.К. Макаров еще точно не знал последствий случившегося пожара Екатерининского дворца. Запись в его дневнике от 3 февраля гласит: *«Говорят, от недостатка охраны сгорел Екатерининский дворец в Детском (с 1918 по 1937 гг. город имел название Детское Село—Е.С.) Что он горит, я слышал в госпитале уже 3-го дня. Это безобразие непростительно»*¹⁶. Масштабы разрушений Екатерининского дворца были В.К. Макарову неизвестны, поэтому все в той же дневниковой записи от 3 февраля он записал только: *«Царское—реставрируется в прежнем виде—по возможности»*¹⁷. Однако уже на следующий день, когда подробности пожара стали известны, В.К. Макаров изменяет свое мнение о будущности пригородных дворцов: *«4 февраля. Пятница. <...> Гибель Царского ещё как-то не усвоена. Не должно быть дублирования. Возможно ли будет там развернуть придворный быт и царский портрет. Походы и пр. Вот, куда подойдут кареты Эрмитажа!»* (подчеркнуто в тексте—Е.С.)¹⁸. Итак, после известия о пожаре в Пушкине В.К. Макаров, как и в случае с Петергофом и Гатчиной, отказался от идеи

¹⁵ Там же. Л. 74–76.

¹⁶ Там же. Л. 76.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. Л. 77–78.

досконального восстановления внутреннего убранства Екатерининского дворца «в прежнем виде» и пришел к убеждению в том, что в восстанавливаемых дворцах «не должно быть дублирования», видимо, потенциальное воссоздание Екатерининского дворца предполагало ориентацию на время Елизаветы Петровны, в чье царствование дворец был перестроен тем же Франческо Растрелли, а в Петергофе же логичен, по формировавшемуся убеждению В.К. Макарова, музей исключительно Петровской эпохи.

5 февраля 1944 г. В.К. Макаров совместно с другими специалистами в области охраны памятников и музейного дела — Н.Н. Белеховым, А.П. Удаленковым, М.В. Фармаковским, Г.Г. Гриммом — предпринимает организованную Инспекцией по охране памятников поездку в Петергоф для осмотра дворцово-паркового ансамбля и фиксации ущерба, нанесенного захватчиками. Свои впечатления от увиденного В.К. Макаров подробно фиксирует в дневнике, преимущественно в виде кратких характеристик каждого сооружения на территории парка Александрии и Нижнего парка, например: «Александровский домик — исчез. Готическая церковь — цела. Внутри деревянная будка для дежурного с отоплением. Сигналы с аккуратными надписями. Готич. конюшни — целы. Есть, конечно, поврежд. части. Фрейлинские дома — есть. Оранжерея — сгорела. Эрмитаж — сильно разрушен со стороны моря. Восстановим. <...> Львиный каскад — разрушен. Марли — сгорело. Гранильная фабрика — сгорела. Ужасная картина города — Старый Петергоф. Так же страшен Новый Петергоф. Вокзал (Н. Бенуа) стоит. Издали видели Бельведер на Бабьей горе. Частично разрушена колоннада (подчеркнуто в тексте — Е.С.)¹⁹. Особый интерес представляют заметки В.К. Макарова, связанные с разрушением Большого дворца, в котором автор предполагал двумя днями ранее создать новую экспозицию: «Большой дворец — сгорел. Кроме флигеля к Кухням («За Гербом») (подчеркнуто в тексте — Е.С.)». Тем не менее, В.К. Макаров был уверен в возможности восстановления памятника: «Стены на 4/5 можно использовать старые. Есть остатки внутрен. отделок. (Фельтен. Большой зал). Восстановление здания возможно (подчеркнуто в тексте — Е.С.)»²⁰. Таким образом, побывав лично в Петергофе и оценив масштаб разрушений дворцово-паркового ансамбля, В.К. Макаров получил возможность лучше проработать концепцию создания новой экспозиции в отреставрированном Большом дворце. Именно в этот момент идея организации экспозиции по дворцовому быту первой половины XVIII в. трансформируется в окончательную задумку о создании музея Петровской эпохи.

Эта идея была более детально продумана В.К. Макаровым в обсуждениях с архитектором-реставратором Александром Петровичем Удаленковым, который также был привлечен в качестве эксперта к работе Ленинградской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. 21 марта 1944 г. на большой, объединившей несколько десятков музейных работников и специалистов по истории и реставрации Научно-технической конференции, посвященной вопросу реставрации пригородных дворцов, А.П. Удаленков и В.К. Макаров — оба — представляли в своих докладах выработанную совместно концепцию восстановления Петергофа. Замысел организации музея Петровской эпохи в Петергофе был озвучен публично.

В своем выступлении А.П. Удаленков, уделяя внимание теме важности сохранения национальной архитектуры и проблемам методики реставрации²¹, подчеркивал, что

¹⁹ Там же. Л. 80, 82.

²⁰ Там же. Л. 81.

²¹ Любезников О.А. Архитекторы-исследователи и проблема преемственности в деле архитектурной реставрации в Ленинграде 1920-х — 1940-х гг. Часть 1 // Клио. 2020. № 9 (165). С. 130–131.

внешний облик Большого дворца в Петергофе должен быть возрожден, как и его внутренняя планировка. Однако восстанавливать интерьеры, по мнению архитектора, нужно только там, где это возможно, а само пространство дворца желательно использовать под музей, по примеру Русского музея в Михайловском дворце, разместив в залах экспозицию произведений искусства петровского времени²². А.П. Удаленков подчеркивал: «Мы получаем опять высокого значения музей, но не быта, а предметов искусства Петровского времени. И не случайно Петергоф переименован в Петродворец!»²³

В.К. Макаров же делал акцент на создании именно новой экспозиции и возможности передачи в пригороды коллекций из других музеев. В начале выступления В.К. Макаров постулировал, что в Ленинграде сохранившиеся памятники петровской архитектуры представляют Петра I исключительно как частного человека, тогда как в пригородах раскрывается его роль как великого преобразователя—владельца могучей империи. Отсутствие музея, посвященного Петру и его эпохе,—в основе предложенной В.К. Макаровым концепции создания музея. Он достаточно эмоционально обращался к аудитории: «Отдадим себе здесь ясный отчет: у нас нет музея Петровской эпохи. Разве можно назвать музеем этой эпохи и этого грандиозного человека, каким был Петр, маленький дворец в Летнем саду или домик Петра? <...> Петр—плотник в рваных башмаках—это один Петр, а другого мы стали чувствовать, когда вышли в загородные хозяйства (Стрельна, Ораниенбаум), где он хотел показать Россию богатой искусством. <...> И у нас нет памятника большого в смысле музея этой эпохи и этого человека. Разве можно удовлетвориться небольшим, скромным с различным интерьером [дворцом] в Летнем саду или Домиком Петра на берегах Невы? Нет, это не достойно этого большого человека. И Петергоф, который теперь переименован в Петродворец, должен превратиться в памятник Петровской эпохи»²⁴.

В.К. Макаров полагал, помимо прочего, что создание музея Петровской эпохи также будет являться «актом спасения» комплекса музейных предметов первой четверти XVIII столетия, который, по его словам, «рассеян по музеям чисто бытового значения. Он гибнет на складах, и они [предметы—Е.С.] должны быть восстановлены как личные вещи Петра»²⁵. Соединение предметов Петровской эпохи в одном музее повышало, по мнению В.К. Макарова, их ценность, актуализировало их значимость по сравнению с тем положением, когда они были рассредоточены по разным музеям.

Оба докладчика музей Петровской эпохи в Петродворце планировали символически связать с Монплезиром, чтобы, по словам А.П. Удаленкова, «дать быт Петра»²⁶. В.К. Макаров в дневнике еще 5 февраля 1944 г. характеризовал состояние Монплезира: *«Монпле-зир—стоит! Он опустошен. Нет дубовой обшивки гл. зала. Нет кафелей на кухне, нет <...> стен «Китайского Кабинета», но росписи и лепка потолка целы безукоризненно. Первый раз хорошо увидел богатую роспись потолков в галереях (Русские ученики Пильмана). Нет стекол и даже простенков. Крыша может осесть. Необходимы подпорки!* (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»²⁷ Ансамблевая экспозиция в воссозданном Монплезире,

²² Стенографический отчет научно-практической конференции по вопросу реставрации пригородных дворцов // Исторические коллекции музеев. Прошлое и настоящее. Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 112–113.

²³ Там же. С. 113.

²⁴ Там же. С. 117.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. С. 113.

²⁷ ОР РНБ. Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 55. Макаров В.К. Дневник (копия З.П. Анненковой). Л. 81–82.

по мысли В.К. Макарова, помогала бы посетителям наилучшим образом прочувствовать повседневность петровской эпохи, а также личность ее создателя. В Большом же дворце экспозиция была бы тематической, состоящей из разных музейных предметов, целью которых было бы наиболее полно раскрыть для посетителей далекий XVIII век. В совокупности, Большой дворец и Монплеизир могли бы с помощью экспозиций, построенных по различным методам, дать комплексное представление об истории, культуре и искусстве России во времена правления Петра I.

В.К. Макаров не был сторонником точного воспроизведения всех утраченных элементов реставрируемых архитектурных сооружений со всеми наслоениями прошедших эпох. На его взгляд, допустимыми являлись попытки воссоздать первоначальный, задуманный при проектировании, но уже давно (задолго до разрушений военного времени) не существовавший облик постройки. В своем выступлении на конференции В.К. Макаров точно не обозначил, что, по его мнению, можно было бы «изъять» из ансамбля Большого дворца в Петергофе, вслух были сказаны лишь общие фразы: «И Большой дворец будет восстановлен, за исключением, может быть, окраин (нужно, может быть, сократить ненужную площадь)»²⁸. Однако в дневнике сохранились его размышления о возможной переделке Большого дворца: «*Вместо церкви можно сделать симметричный «Гербу» павильон. Так было первоначально и на проекте Леблона*»²⁹. Таким образом, архитектурный облик музефицированного памятника мог, по мысли В.К. Макарова, при реставрации претерпевать определенные изменения.

В ходе своего выступления В.К. Макаров привел примеры возможных экспонатов для будущего музея. Так, он упоминал о шпалере «Петр I, спасающий тонущих на Ладожском озере», созданной по картине К.К. Штейбена (на сегодняшний день эта шпалера находится в постоянной экспозиции ГМЗ «Петергоф» в Екатерининском корпусе — Е.С.). Еще одно из упомянутых им произведений искусства — работа русского живописца-баталиста А.Е. Коцебу «Присяга Риги на подданство России в 1710 году», находящаяся сегодня в Государственном Эрмитаже³⁰. Несмотря на то, что данные предметы не были созданы в первой четверти XVIII века, все же, по мнению В.К. Макарова, они необходимы для раскрытия той эпохи. Так, относительно картины А.Е. Коцебу он подчеркивал, что на этой картине «чрезвычайно эффектно переданы и костюмы, и архитектура, когда Меньшиков вместо Петра принимает ключи от Риги»³¹. Соответственно, на концептуальном уровне предлагаемый В.К. Макаровым музей должен был тематически раскрывать Петровскую эпоху, а не отражать исключительно предметный ряд того времени.

Предложения В.К. Макарова и А.П. Удаленкова встретили и поддержку, и возражения. Архитектор Г.Г. Grimm, выражая одобрение озвученной идее, констатировал: «Воссоздание дворца в Большом Петергофском дворце Петровской эпохи в широком смысле этого слова, охватывающего историческую и художественную стороны, является наиболее правильным решением вопроса. Это заставляет создать единственный по значимости памятник Петровской эпохи в том месте, где он является наиболее органическим.

²⁸ Стенографический отчет научно-практической конференции... С. 118.

²⁹ ОР РНБ. Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 55. Макаров В.К. Дневник (копия З.П. Анненковой). Л. 81.

³⁰ Государственный Эрмитаж. Предметы коллекции. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hermitagemuseum.org/wps/portal/hermitage/digital-collection/01.+paintings/337391> (Дата обращения 05.01.2024).

³¹ Стенографический отчет научно-практической конференции... С. 118.

Именно там чувствуется дух Петровской эпохи. И понятно, восстанавливая дворец и не будучи в состоянии восстановить полностью его таким, как он был, было бы хорошо иметь здесь именно музей Петровской эпохи, заняв под него все основные помещения Большого дворца»³².

Против идеи создания музея выступил Владислав Михайлович Глинка—многолетний музейный сотрудник, а с 1944 г. главный хранитель Отдела истории русской культуры Эрмитажа. Его критика базировалась на нескольких составляющих. Во-первых, по его мнению, было невозможно подобрать экспонаты для нового музея, не нанеся удара по старым, как, например, Летнему дворцу. Во-вторых, по заверению В.М. Глинки, петровских вещей в принципе мало, и создать из столь немногочисленного материала целый музей не представляется возможным вовсе³³. Противоположная точка зрения была у М.А. Тихомировой, старшего научного сотрудника и хранителя Петергофа. Она поддержала идею А.П. Удаленкова и В.К. Макарова, указав В.М. Глинке на ошибочность его тезисов относительно того, что для музея будет невозможным собрать большой материал: «Вопрос об основном музее Петергофа—Петровском музее, который вызывает сомнение. Конечно, такой музей необходим, и место для него—Петергофский дворец, так как такого музея мы не имеем. Почему это меня не пугает? Здесь идет разговор не о музее Петровских вещей и т.д., но о музее, отражающем деятельность Петра. И сюда может быть привлечен и более поздний материал—гобелены, картины (Коцебу и др.). Плюс к этому документы и колоссальное количество литографий—и мы такой музей построим»³⁴. Фактически М.А. Тихомирова повторила положения В.К. Макарова—стремление взять для музея не только музейные предметы первой четверти XVIII столетия, но и более поздние экспонаты, отражающие эпоху. Скепсис В.М. Глинки, отстаивавшего неделимость сложившихся музейных коллекций ради организации нового музея, и резкость его во время дискуссии вызвали раздражение В.К. Макарова. В дневнике в день конференции появилась такая запись: «Март 1944. <...> 21. Конференция о загородных дворцах. Их будущее. *Мой доклад* и Удаленкова. *Отвратительное поведение Глинки...* (подчеркнуто в тексте—Е.С.)»³⁵.

На следующий день—второй день конференции—22 марта 1944 г.—В.К. Макаров возвращается к критике В.М. Глинки и пытается аргументированно отстаивать обозначенные накануне идеи, давая развернутый ответ на опасения относительно нехватки экспонатов для нового музея: «Я помню гатчинские портреты, гравюры, изображающее Петра и его эпоху, портрет Наталии Кирилловны Нарышкиной и другие, которые нигде не зафиксированы. Может быть, и московский материал будет использован для этого, так как я не представляю себе, что это будет келейная работа. <...> Кроме того, профессор Удаленков разрешил мне огласить, что сегодня утром от него поступило заявление, что он жертвует в фонд те великолепные петровские вещи, которые у него имеются. Мы можем набрать много предметов, имеющих отношение к Петровской эпохе. Например, вещи, связанные с заграничной поездкой Петра. Сколько гравюр, дублетных листов, вещей, относящихся к завоеванию берегов Финского залива, к баталиям, памятники побед над шведами. Разве все это не представлено богатейшими гравюрами, которые

³² Там же. С. 120.

³³ Там же. С. 121–122.

³⁴ Там же. С. 122–123.

³⁵ ОР РНБ. Ф. 1135 (В.К. Макаров). Оп. 1. Д. 55. Макаров В.К. Дневник (копия З.П. Анненковой). Л. 86.

пропадают, так как их никто не смотрит кроме специалистов?»³⁶ Помимо аргументов об обилии экспонатов петровского времени, В.К. Макаров в очередной раз подчеркивает, что при создании музея необязательно использовать в экспозиции исключительно подлинные предметы той эпохи и для раскрытия многих тем вполне подойдет живопись последующих веков. Кроме того, по мнению В.К. Макарова, можно отразить в экспозиции не только петровские реформы и победу в Северной войне, но и, например, различные экономические и социальные аспекты периода: «И мебели достаточно, обстановка не будет бедной. А украшения стен—живопись того времени, и, если ее будет мало, то найдется еще, если не оригиналы, то живописные произведения, которые изображают эту эпоху—особенно баталии завоевания Балтийского моря (картины находятся сейчас в складах Эрмитажа). Почему нам не отразить и борьбу за окраины, которую вел Петр, и борьбу за берега Невы, и походы на Персию, пути сообщения, которые были в то время, на картах и макетах? Фабрики и заводы Урала и т. д. Все это может быть отражено»³⁷.

Примечательно, что в своем выступлении В.К. Макаров уделил особое место излюбленной теме—мозаике. В фокус его внимания попала ломоносовская мозаика «Полтавская баталия», которая находится на парадной лестнице в здании Академии наук. Исследователь подчеркивал, что мозаика занимает не самое выигрышное положение: «А такой великолепный памятник Петру как Ломоносовская «Полтавская баталия», находящаяся на площадке лестницы Академии наук? И прямо надо сказать: нет ничего более неудачного, чем это место. Смотреть на нее приходится в упор и ничего не видно, она теряется, так как на нее нужно смотреть с большого расстояния»³⁸. В.К. Макаров надеялся на то, что уникальную мозаику можно будет переместить в петергофский Большой дворец для будущего музея.

В последующие месяцы вопрос о характере восстановления пригородных дворцов оставался острым. Поддержку инициативам Инспекции по охране памятников во главе с Н.Н. Белеховым³⁹, направленным на консервацию уцелевших фрагментов и последующую реставрацию дворцов (вопреки расхожей идее о приспособлении их под другие—утилитарные—учреждения) оказали наиболее крупные в сложившейся советской иерархии архитектурно-художественных сил лица—А.В. Щусев и И.Э. Грабарь. Их авторитет поспособствовал тому, что 23 апреля 1944 г. Исполком Ленгорсовета принял решение № 112–22 «О первоочередных мероприятиях по сохранению пригородных дворцов и парков-музеев». С этого момента и начинается восстановление пригородов Ленинграда⁴⁰. Однако ход восстановительных работ и сам принцип воссоздания разрушенных дворцов-музеев как памятников архитектуры и декоративно-прикладного искусства фактически оттеснили на задний план высказанное В.К. Макаровым предложение по организации узкотематической экспозиции в петергофском Большом дворце. Бывшие императорские резиденции в ленинградских пригородах оказались комплексными музеями-заповедниками, а от мысли о придании им как музеям какого-либо одного (по предложению В.К. Макарова в отношении Петергофа—исторического) профиля отказались.

³⁶ Стенографический отчет научно-технической конференции... С. 144.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Семенов В.А., Воронин В.В., Бахарева Ю.Ю., Филипенко Г.Ю. Сто страниц. Из истории охраны памятников Ленинграда—Санкт-Петербурга. К 100-летию государственной охраны памятников Санкт-Петербурга 1918–2018. СПб., 2018. С. 101.

⁴⁰ Там же. С. 103.

Аргументы В.К. Макарова, высказавшего на излете Великой Отечественной войны мысль о необходимости создания музея Петровской эпохи, оказались достаточно убедительными. В дальнейшем вопрос о музейной презентации Петровской эпохи поднимался неоднократно. В 1980-х гг., помимо уже имеющихся в Ленинграде домика Петра I и Летнего дворца, были музеефицированы домик Петра I в Стрельне и Меншиковский дворец, в которых также при помощи ансамблевых экспозиций реконструировалось петровское время. В XXI столетии новые экспозиции, посвященные императору-преобразователю и его эпохе, тоже возникали. Так, вследствие реставрационных работ в составе Государственного Эрмитажа открыт реконструированный Зимний дворец Петра I и постоянная экспозиция «Галерея Петра Великого», в рамках которой раскрываются разные грани личности реформатора. Кроме того, в 2022 г. в честь 350-летия со дня рождения Петра была организована Ассамблея петровских музеев, целью которой стала популяризация наследия знаменитого императора.

Список литературы

Андреев А.И. Остров Екатерингоф // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. Вып. II. М.; СПб.: Atheneum, Феникс, 1995. С. 171–191.

Бранденбергер Д.Л. Национал-большевизм. Стлинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931–1956. М.: Академический проект, ДНК, 2009. 416 с.

Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М.: Этерна, 2012. 432 с.

Любезников О.А. Архитекторы-исследователи и проблема преемственности в деле архитектурной реставрации в Ленинграде 1920-х—1940-х гг. Часть 1 // Клио. 2020. № 9 (165). С. 124–138.

Макаров В.К. Гатчинский парк. Пг.: Гос. изд-во, 1921. 30 с.

Макаров В.К. Петергоф. Фонтаны. Пг.: Община в пользу св. Евгении, 1918. 15 с.

Семенов В.А., Воронин В.В., Бахарева Ю.Ю., Филипченко Г.Ю. Сто страниц из истории охраны памятников Ленинграда—Санкт-Петербурга: к 100-летию государственной охраны памятников Санкт-Петербурга. 1918–2018. СПб.: [Б.и.], 2018. 239 с.

Стенографический отчет научно-практической конференции по вопросу реставрации пригородных дворцов // Исторические коллекции музеев. Прошлое и настоящее. Материалы научной конференции. Сб. статей. СПб.: ООО «фирма «Алина», 2007. С. 109–150.

Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М.: ОГИ, 2002. 608 с.

Шмит Ф.И. Музейное дело. Вопросы экспозиции. Л.: Academia, 1929. 245 с.

References

Andreev.A.I. Ostrov Ekateringof [Ekaterinhof Island] in Nevsky arhiv: Istoriko-kraevedcheskij sbornik. Vip. II. Moscow, Saint-Petersburg: Atheneum, Feniks, 1995. P. 171–191. (in Rus.).

Brandenberger D.L. Nacional-bolshevizm. Stalinskya massovaja kultura i formirovanie russkogo nacionalnogo samosoznaniija. 1931–1956 [National Bolshevism. Stalinist Mass Culture and the Formation of Russian National Identity. 1931–1956]. Moscow: Akademicheskij proekt, DNK, 2009. 416 p. (in Rus.).

Kaulen M.E. Muzeefikacija istoriko-kulturnogo nasledija Rossii [Museification of the historical and cultural heritage of Russia]. Moscow: Eterna, 2012. 432 p. (in Rus.).

Lubeznikov O.A. Arhitektory-issledovateli I problema preemctvennosti v dele arhitekturnoj restavracij v Leningrade 1920-x–1940-x gg. Chast' 1 [Architects-researchers and the problem of continuity in the practice of architectural restoration in Leningrad in the 1920s–1940s. Part 1] in *Klio*. 2020. № 9 (165). P. 124–138. (in Rus.).

Makarov V.K. Gatchinskij park [Gatchina Park]. Petrograd. State press, 1921. 30 p. (in Rus.).

Makarov V.K. Petergof. Fontaty [Peterhof. Fountains]. Petrograd. The community in favor of St. Eugenia, 1918. 15 p. (in Rus.).

Semenov V.A., Voronin V.V., Bahareva U.U., Filipchenko G.U. Sto stranic iz istorii ohrany pamjtnikov Leningrada—Sankt-Peterburga: k 100-letiju gosudarstvennoj ohrany pamjatnikov Sankt-Peterburga. 1918—2018 [One hundred pages from the history of the protection of monuments of Leningrad—St. Petersburg: to the 100th anniversary of the state protection of monuments of St. Petersburg. 1918–2018]. Saint-Petersburg, 2018. 239 p. (in Rus.).

Stenograficheskij otchet nauchno-prakticheskoi konferencii po voprosu restavracii prigorodnyh dvorcov in Istoricheskie kollekcii mezeev. Proshloe i nastojaschie. Materialy nauchnoj konferencii. [Verbatim report of the scientific and practical conference on the restoration of suburban palaces in Historical collections of museums. Past and present. Materials of the scientific conference] Saint-Petersburg : Alina Firm LLC, 2007. P. 109–150. (in Rus.).

Uortman R.S. Scenarii vlasti. Mufy i ceremonii russkoj monarhii. V 2 t. T.1. Ot Petra Velikogo go smerti Nikolaja I [Scenarios of power. Myths and Ceremonies of the Russian Monarchy: In 2 vols. 1. From Peter the Great to the death of Nicholas I]. Moscow: OGI, 2002. 608 p. (in Rus.).

Shmit F.I. Muzejnoe delo. Voprosy ekspozicii [Museum business. Exposure issues]. Leningrad: Academia, 1929. 245 p. (in Rus.).